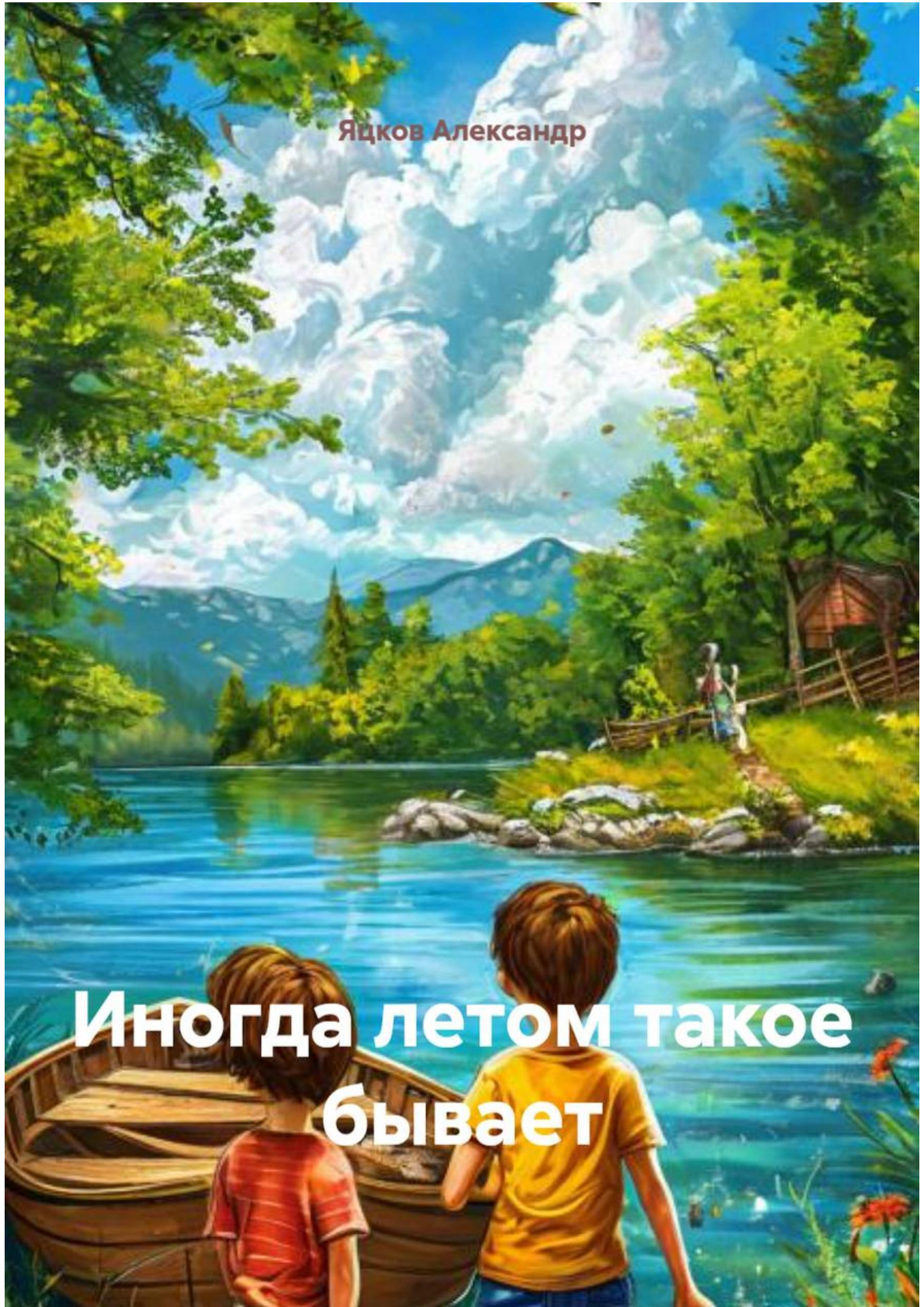

Яцков Александр

Иногда летом такое
бывает

Яцков Александр

Иногда летом такое бывает

«Автор»

2026

Александр Я.

Иногда летом такое бывает / Я. Александр — «Автор», 2026

Продолжение веселых приключений братьев Сани и Сереги. Прошел ровно год после того жаркого лета, когда ребята стали известны благодаря подожженному сеновалу. Друзья повзрослели на год, но талант попадать в различные истории не утратили. От детских шалостей тонет лодка, «ночная жизнь» во сне Саши и чудное исцеление после таинственного обряда, прирученный уж и веселая идея «проучить» старшую сестру Олю с помощью змеи. Саша гостит у брата дома, и они попадают в нелепую ситуацию, за что их отправляют полоть арбузную бахчу, а там бегство от сторожей и неспелые арбузы дома. Но чего стоит таинственный голос из чащи соседского двора и необычная развязка. И чего только ни случится в летние каникулы!

© Александр Я., 2026

© Автор, 2026

Яцков Александр

Иногда летом такое бывает

Жаркий воздух висел непомерной, густой массой вокруг. Его движение ощущалось словно течением горячего масла, а по сути – это был просто ветер. Солнце казалось злущим светилом, которое из всех своих исполинских сил пыталось выжечь все на земле. Казалось, сама тень была в с ним по уничтожению всего живого, так как ожидаемая прохлада ничем не отличалась от солнечного зноя.

Прошел ровно год с тех самых жарких каникул, и я вновь приехал погостить к своим родным в деревню в июне месяце. На улице было всего лишь десять утра и на самом деле не так жарко, как казалось мне, мальчишке, приехавшему с Крайнего севера, где в это время на сопках еще мерцал яркой белизной снег, а где-то на дне многочисленных тундровых озер лежала толща подтаявшего льда, участь раствориться которого ждала в июле-августе.

Я сидел под плотной кроной высокого каштана и постоянно уворачивался от пробивающихся сквозь ветви лучей солнца. Мне казалось, что я приехал не в родную деревню, а высадился на планету Меркурий без скафандра.

Акклиматизация у меня всегда проходила тяжело. Я прекрасно знал, что через пару-тройку дней меня протянет юркий, прохладный сквознячок о котором все мечтают в жару, и обязательно буду награжден несвойственной этому времени года простудой. Вся семья опять будет надо мной подшучивать и удивляться, как может северный человек простудиться летом в сорокоградусную жару. Так как мама осталась дома работать (привез нас с сестрой Ольгой папа и уехал обратно), то лечить меня будет бабушка своими проверенными способами народной медицины.

Но сейчас я был пока здоров и изнывал от жары.

Оля с самого утра помогала бабушке по хозяйству, чтобы поскорей освободиться и убежать к соседским девчонкам. Я работал из-под палки, интереса к сестринским подругам я не испытывал, торопиться было некуда. В основном я выполнял простые поручения: принеси да отнеси, найди да позови деда.

Я третий день ждал брата. Бабушка призналась, что он знал, когда я приезжаю, но все равно не появлялся. От того во мне зарождалась обида. Представлял, как он рано или поздно все же приедет, зайдет во двор, окликнет меня, а я демонстративно пройду в дом или уйду по своим очень важным делам в сад. Пускай побегаёт за мной три дня.

Сидя на лавочке под каштаном, все смотрел налево, в сторону поворота дороги, откуда ожидал появление Сереги.

Брата все не было.

«Ну и ладно, пойду поиграю в саду или в доме. А может быть, в огороде горох поспел? Или к девчонкам все-таки пойти... Прогонят. Ольга точно прогонит, а Таня нет, мы часто с ней играем или просто разговариваем. Она ненамного старше меня, поэтому нам проще общаться, чем с ее старшей сестрой Ирой, ну и тем более с Олей. Особенно кода я в компании ее ровесников». – размышлял я.

Охваченный досадой, я встал с лавочки, поднял орешек каштана и уже хотел зашвырнуть его в соседский огород через дорогу, как боковым зрением увидел, что из-за поворота появилась знакомая фигура на велосипеде. Я выпрямился, приложил ладонь ко лбу козырьком и узнал своего дядю. А из-за него торчали две ноги, обутые в сандалии. На багажнике велосипеда сидел мой двоюродный брат Сергей.

Вся обида исчезла в мгновение. От радости предстоящей встречи хотелось прыгать!

– Здорово, братан! – Серега от нетерпения спрыгнул на ходу и уже бежал мне навстречу.

– Хо-хо, брат! Я тебя три дня жду! Привет, Серый! – я раскинул руки в стороны.

Мы поприветствовали друг друга крепким объятием. Я почему-то по-прежнему держал в руке каштан.

Сергея за год стал вытянутым, худощавым. Несмотря на начало лета, он уже порядочно загорел, и на его широком лбу лежала прядь выгоревших светло-русых волос. Он был одет в легкую цветастую рубашку с коротким рукавом, синие шорты и сандалии. Коленки, как всегда, украшали ссадины. Лицо выражало прекрасное настроение, глаза блестели, а рот растянулся в широкой улыбке, оголяя ряды белых зубов. Всем своим видом брат излучал неподдельную радость от происходящей встречи.

– Что у тебя там?

– А, это? – я разжал кулак. – Каштан. Хочешь подарю?

– Не, не надо. У меня такие есть, дома в коробке.

– Там их много. – Я повернулся к дереву и кинул орех на место, с которого его поднял.
– Пойдем во двор.

Только после этого я повернулся к дяде Вове. Он стоял в сторонке и ждал, пока мы нарадуемся от долгожданной встречи. Я с ним поздоровался, в ответ он потрепал мне волосы, обратил внимание на прибавившийся за год рост и спросил, кто сейчас дома.

Обняв по-дружески друг друга за плечи, пошли во двор. Мы оба молчали, не знали с какой истории начать свои рассказы. Из чувства замешательства первым вышел я.

– А где ты был три дня? Я думал, приедешь сразу.

– Попал как всегда ни за что. Из одного задания по хозяйству, которую я не выполнил, выросло сразу сто. Точнее, выполнил, но не так, как хотелось батьке. Он мне поставил условие: все сделаешь – отпущу. И пришлось мне все делать, как надо. От того на три дня и растянулось.

– А натворил-то чего?

– Да по мелочи. Я даже не знаю, чего он разошелся. Подзатыльников мне насовал, ругался... – Сергей почесал затылок и притих.

– Ну а причина-то в чем?

– Трактор к соседям пошел смотреть! Ну и чего тут такого!

– Так не бывает. – я махнул рукой, – можешь не признаваться.

Я намеренно шагнул вперед.

– Теленка сказано было за огороды вывести, на полянку. Ну, помнишь, там, у нас, за картошкой. Я вот подумал, что он побоится куда-то идти и с полянки не уйдет. А в паре дворов от нас, трактор ремонтировали, все мои друзья вокруг вертелись. Ну я и пошел глянуть одним глазком.

– А теленок за тобой?

– Если бы! – Сергей хлопнул себя по коленкам. – Он пошел по огородам гулять, вытоптал много. Еще к соседям пролез и у них нахозяйничал. Я увидел его издали, побежал вытаскивать. Только пропихнул его на нашу делянку, а мамка в огороде стоит. Ей сказал, что он сбежал, а я его поймал. Она возьми – и батьке все расскажи. Ну, короче, мой подвиг в проступок обратился. А там сразу куча дел появилась, которые могу сделать только я...

Какое-то время мы молчали. Я пытался сдержать улыбку Чеширского кота. Сил сдерживаться уже не было, и я разразился в смехе.

– Побоится?! Ты серьезно? – смеялся я. – Это он тебе сам сказал?

– Хорош ржать! А что, он там первый раз, и местность ему не знакома. Да и привязывать его жалко было – маленький ведь.

Нелепость случая по-прежнему продолжала меня веселить, но смеяться я прекратил, чтобы не обидеть брата. Сергей о чем-то задумался.

– Ладно, пойдем, найдем себе занятие, – я дернул его за руку, вытаскивая из раздумий.

В компании брата жарница на улице уже не казалась такой невыносимой, и солнечные лучи, оказывается, не выжигали поверхность планеты, а ласково грели и дарили поистине летнее тепло. Пока Сереги не было, в голове крутилось много идей, чем можно было заняться, а сейчас я не мог вспомнить ни одну.

Мы зашли на кухню к бабушке, она готовила обед и проворно крутилась возле плиты. Несмотря на полноту тела, у нее все получалось и ладилось, как у молодой женщины: помешать, долить, посолить, что-то нарезать, выглянуть в окошко посмотреть на что-то – и все это в неустанном круговороте. Попробовали сунуть свои носы в кастрюли, из которых шел пар и притягательный аромат, чтобы разведать, что ждет нас на обед. Но были отпихнуты в сторону с требованием не мешать. Оставалось довольствоваться молоком и куском белого хлеба с вареньем.

– А дедушка где? – спросил Серега у меня с набитым ртом.

– Он в саду, сети готовит на рыбалку. – ответила за меня бабушка.

Я же ответить никак не мог: у меня рот был набит хлебом с вареньем так, что я еле двигал челюстью. Серега решил повторить смертельный номер и тоже запихал свой оставшийся кусок в рот.

В саду мы встретили дедушку и дядю Вову. Они оба сидели под яблоней, мирно курили и о чем-то беседовали. Рыбачья сеть, натянутая между двумя длинными жердями, была уже очищена от ряски и водорослей. Дедушка подвязал поплавки, залатал дырки, выпутал все свинцовые грузила. Сеть была готова.

– О! Встретились, – дед отвлекся от разговора, завидев нас. – И лапами не трогать!

Не обращая внимания на него, мы подтянулись к сети и стали с любопытством ее разглядывать. Несмотря на запрет прикасаться к сети, мы все же перещупали все, что только можно.

– Дед, а с тобой на рыбалку можно? – спросил я. – Ну хотя бы просто посмотреть.

Дедушка задумался и посерьезнел. Видимо, оценивал все риски возможных последствий и убытков, но потом улыбнулся, затушил сигарету и согласился взять нас с собой. Но после обеда проверить то, что было поставлено с утра, может поставить что-то еще. Если понадобится.

Отлично! Оставалось занять себя чем-то пару часов. Мы прошлись по саду, заглянули в свое тайное место под дикой грушей, дошли до сеновала. В подробностях вспомнили события прошлого года. Смеялись от души!

– А где, кстати, та зажигалка? Он еще пользуется ей? Год ведь уже прошел. – спросил я.

– Давно не видел, потерял наверно.

Вгляделись вдаль, туда, где на вершине холма в посадке росла большая шелковица. Там мы часто сидели на сваленном бревне и любовались красотами. Воспоминания охватили нас целиком.

– Ты туда не поднимался?

– Нет. Тебя не было, а одному туда идти не хочется.

– Теперь можно как-нибудь сходить.

Мы еще немного помолчали, вспоминая каждый о своем. Решили вернуться во двор, где наткнулись на дедушку, который собирал сети, подвязывал их и готовил к переносу на реку. Быстро смекнув, что мы мучаемся от безделья, накидал нам поручений по хозяйству. Серега сразу надул щеки и предъявил деду, что у нас каникулы, пора отдыха вообще-то. Дед в свою очередь сказал, что ничего об этом не слышал и не знает, что такое каникулы. А чтобы пресечь наши попытки и дальше отлынивать от работы, сказал, что в эти непонятные каникулы на рыбалку ходить вредно.

Спорить дальше мы не стали, а пошли выполнять указания. К тому же ничего сложного и тяжелого нам не поручили, и мы освободились довольно быстро. А после старались до обеда на глаза никому не попадаться.

После обеда, когда все вышли во двор отдохнуть в тенике каштана, мы с братом буквально стояли над душой у деда. Он в свою очередь делал вид, как будто нас нет вовсе. Однако наша настойчивость взяла верх.

– По закону Архимеда после плотного обеда надо крепко дремануть! – начал увиливать дед.

– Это кто такой Архимед? Друг твой? – завелся брат. – И чего это за закон такой?

– В школе узнаешь.

– Нет такого закона! – вступил в спор я.

– Ну жарко на улице, давайте часок отдохнем и пойдем. Честное слово.

– Тут всегда жарко. Нам, что, до зимы ждать? – не сдавался я.

Видно было, что дедушка сомневается. Он сдвинул кепку на затылок, потер лоб, посмотрел на часы, вернул кепку обратно, почему-то оглянулся. Потом повернулся и пристально посмотрел на нас. Мы даже не моргали.

– Ты обещал. – тихонько сказала бабушка.

Дед, кряхтя, оперся о колени и с тяжестью поднялся. Сказал, что ему необходимо переобуться в резиновые сапоги, взять сети и прихватить новую пачку сигарет. Серега побежал в дом за сигаретами, я – в сарай за сапогами, дед отправился в сад за сетями. Остальные члены семьи пошли в дом отдыхать. Через полчаса мы широко шагали след в след за дедом, счастья не было предела. Дедушка шел не спеша, шаркал по земле каблуками резиновых сапог, кепка – на затылке, дымил сигаретой, сети, завязанные на жердях, лежали на плече.

Путь от двора к реке Ольховая Говтва много времени не занял. Перешли через дорогу, спустились вдоль огородов по скату к реке, на берегах которой росла ольха. Вдоль кромки воды сквозь заросли кустов пробрались к месту, где к толстому стволу дерева цепью была прикована лодка.

Она слегка покачивалась на безмятежной воде, прячась под нависшей кроной ольхи. Небольшого размера, сделанная каким-то умельцем, она выглядела довольно старой, доски от влаги и времени почернели, снаружи и под водой обросли мелкими водорослями. Швы были просмолены уже не первый раз, где-то просматривались латки. Лодка вроде не протекала, но на дне было по щиколотку воды, в которой плавала пластиковая банка. Между бортами на носу, корме и по середине были установлены лавочки.

– Дед, а она потихоньку тонет? – я пальцем показал на воду внутри.

– Дождевая наверно. Я по весне ее просмаливал, а может, где-то и сочится. Старая она уже, и сил у меня нет ее ремонтировать. На мой век хватит.

Дедушка прислонил сети к дереву и полез в густые кусты. Серега стоял на самом краю берега и уже норовил залезть в лодку. А я разглядывал все вокруг: старую и большую ольху, которая нависла над рекою, противоположный берег, ржавую цепь с замком, снующих туда-сюда жучков, головастика и мальков в воде.

– Стой! погоди. – дед окликнул брата, выбираясь из кустов с веслами. – Сначала я поставлю сети.

– А можно и нам? Ну очень хочется посмотреть, – взмолился Серега.

– Мы не влезем в лодку с сетями, я их выставлю, а потом к вам приплыву.

– Далеко уплывешь? А долго ставить будешь?

– Нет, ждите меня на берегу.

Дедушка переложил сети и весла в лодку, достал ключи и отстегнул цепь. Оперся руками о нос лодки, толкнул ее от берега и ловко запрыгнул внутрь, поплыл на середину реки.

Река была неширокая, метров двадцать-тридцать. Берега поросли камышом, особенно густо на противоположном. В некоторых местах она сильно сужалась, и казалось, что именно здесь река заканчивается. Однако потом она расширялась, именно в том месте где была пристегнута лодка, и даже набирала глубину в несколько метров. Вода была коричневого цвета, но

издалека казалась синей. Затоны плотно поросли ряской и водорослями, а на середине водной глади неспешно струилось течение.

Дедушка давно скрылся из виду, мы с братом прислушивались, не слышно было даже плеска воды от весел. Становилось скучно. Чтобы занять себя чем-то, принялись прутиками гонять жучков и головастика в воде, кидать ветки на дальность в реку.

Дед появился примерно минут через сорок. Широко взмахивая веслами, он греб в нашу сторону. Мы, как по команде, подскочили и подбежали к самой кромке воды. Дедушка медленно подплыл к берегу, положил весло и аккуратно вылез из лодки. Мы с берега все заглядывали внутрь, но ничего, кроме воды и пластиковой банки, не увидели.

– А рыба где? – Серега сдвинул брови, понимая, что собственно рыбалки то и не было.

– Какая рыба? – дедушка вытянул весла из уключин.

– На рыбалке ловят рыбу. Ты, что, не поймал?

– Шустрый какой, я только сети поставил, а снимать завтра утром пойду. Вот там и посмотрим, что попадется.

Он медленно вынул весла, положил в кусты, пропустил цепь через кольцо, прибитое к носу лодки, обмотал вокруг ствола ольхи и застегнул замок. Достал пачку сигарет из нагрудного кармана рубахи и закурил.

– Пойдем. Чего стоите?

– Может, подождем? – брат стоял, не сдвинувшись с места.

– А чего ждать? – дед ответил уже на ходу. – Пошли, нечего тут стоять, дел много.

– Так, может, прямо сейчас поймается чего-нибудь!

Дедушка не стал ничего отвечать, а медленно пошел по тропинке вдоль реки. За ним потянулся и я, махнув брату рукой.

Серега был явно недоволен такой рыбалкой. Он однозначно планировал поймать самую огромную рыбку на свете, вытащить ее в борьбе на берег и тем самым прославиться на все село. А может даже на весь Решетилковский район. Может, даже мечтал, чтобы о нем написали в местной газете и повесили на доску почета. Он шел и пинал все, что попадалось ему под ноги, бурчал себе под нос негодования и намеренно отставал от нас. Он морщил широкий лоб, надувал щеки, корчил злобные гримасы.

Весь оставшийся день Сергей пребывал не в настроении: на всех огрызался, работал из-под палки, прикидывался глухим и никому толком не отвечал. Играть ему особо не хотелось, и если он что-то начинал, то в скором времени бросал игру.

Утром он потерпел полное фиаско. Когда мы проснулись, вышли во двор умыться, а потом хотели проскользнуть на кухню к завтраку, что-то Серегу потянуло выйти в сад. Распахнув калитку, брат замер, как вкопанный. Я не сразу понял, что он увидел, мне пришлось его протолкнуть вперед.

Дедушка сидел под яблоней на стульчике и чистил свежую рыбу. Перед ним на земле стоял большой таз с водой, в котором еще трепыхались живые рыбины, на столе – высокая кастрюля с уже почищенной. Вокруг деда крутились коты, которых он постоянно отпихивал ногой, чтоб не досаждали. В саду, на жердях, была растянута рыбацкая сеть, сушилась. Было ясно – рыбалка прошла мимо нас.

– А мы! – практически проорал брат.

Мне эта ситуация показалась забавной. Я с улыбкой смотрел на происходящее.

– Почистить хотите? В сарае на верстаке ножи берите и присоединяйтесь.

– Да не хочу я чистить! – Серегу начинало трясти. – Почему без нас?!

– Спите долго. – Дед легонько отпихнул рыжего кота. – Ну, в четыре утра куда бы я вас будить стал. В другой раз.

Брат еще пару минут почертыхался, пытался привести какие-то доводы, даже попробовал поугрожать, отчего у деда закончилось терпение: он рывкнул на Серегу, толкнул кастрюлю с

рыбой и сказал тащить на кухню бабушке. Брат от нее шарахнулся, а я, чтобы не усугублять ситуацию, подхватил за ручки и понес.

Весь день Серега был вне себя, все было не так и не эдак. Я даже махнул на него рукой и пошел играть на песчаную кучу за сеновалом один. Слушать постоянные возмущения сил уже не было. Он же шел за мной по пятам и продолжал бубнить. И когда я попытался его прогнать, брат, немного поразмыслив, заявил:

– А давай сами пойдем на рыбалку!

Представлялось с трудом, с сетями нам точно было не совладать, мест для улова мы не знали, ну и самое главное – лодка. Я объяснил это брату, он глубоко задумался. Предвкушая рождение «гениальных» идей, я продолжил отговаривать Серегу. Он все хмурился, но, по крайней мере, уже молчал.

– Ну давай хотя бы просто в лодке посидим, представим, как мы рыбачим.

Это показалось безобидным, можно из прутьев сделать удочки, подвязать веревки, придумать поплавки и позакидывать в реку. А почему нет, даже лучше, в обеденное время жара невыносимая, а на реке, под ольхой даже очень свежо. На том и сговорились.

После обеда идти отдыхать мы отказались, Серега даже успел съязвить, мол, выпались еще утром, спим же долго.

Когда все разошлись, мы пошли к пока еще не тронутому кусту сирени – выломать ровные прутья. В сарае с инструментами отмотали два равных куса капроновой веревки. Под каштаном нашли два ореха, проделали в них отверстия и продели нить. Удочки были готовы! Еще промелькнула идея накопать наживки, чтобы все было как взаправду, но от этого мы быстро отказались, так как не было рыболовных крючков, да и земля от долгого отсутствия дождей была каменной. Закинули снасти на плечи и тронулись в сторону реки, где стояла дедова лодка.

У Сереги настроение с каждой минутой улучшалось. Он широко шагал рядом со мною, а иногда даже подпрыгивал.

– Сань, а у вас на севере рыбачат?

– Конечно. Особенно в море.

– А что там за рыба? Огромная? А ей не холодно?

– У нее шерсть густая и шелковистая. Мы из этой шерсти шубы и шапки делаем!

Брат застыл от удивления. Вытаращил на меня глаза, раскрыл рот и, видимо, стал представлять невиданную зверюгу.

– Что, серьезно?!

– А ты думал! У вас зимой рыба тоже шерстью обрастает, только короткой. У нас ведь холоднее. – Я еле сдерживался. – Пойдем, рыба нас ждет.

По дороге я признался, что мохнатых рыб не бывает, и заодно рассказал о рыбалке на своей родине. О том, как в вечно бушующем Баренцевом море иногда случается затишье, и тогда поселковые рыбаки выходят на побережье и ставят сети. Ждут несколько приливов и достают рыбу: семгу, омуля и камбалу. Но самое интересное происходит, когда выходят на несколько суток в редкие, теплые дни. Тогда можно и костер развести, и еду приготовить прямо на нем, и в спальном мешке поспать под открытым небом. Развлечений – куча!

Брата очень заинтересовали приливы, а рассказ о самой рыбалке будто мимо ушей пропустил. Пришлось остановиться и на дорожной пыли рисовать схемы морских приливов. Серега долго не мог понять, как связаны вода на Земле, Луна и рыба. Он сомневался в каждом моем слове и был уверен, что я его опять разыгрываю. Я махнул рукой, все перечеркнул и сказал, что в школе, в четвертом классе все расскажут, а для первого класса пока рановато.

Однако через пару минут он все же вспомнил о рыбалке на море. Трудно было объяснить внешний вид камбалы. Ну не мог он поверить, что она плоская, думал, что это очередной розыгрыш, и громко рассмеялся на мои слова. Я опустил голову и признался, что на самом

деле камбала, как и все, ничем особо не отличается. Просто, когда она заплывает под льдины, ее прижимает ко дну, и она становится плоской – сплюсненной, а глаза смотрят не по бокам, а вверх.

– Вот так бы сразу и сказал. – поверил брат. – А то не поймешь, правду говоришь или шутишь.

Я только качнул головой, и мы пошли дальше.

У берега спокойно качалась на водной глади дедова лодка. Высокая ольха отбрасывала большую тень как раз на нее. Постояв немного, мы сложили свои удочки, я подошел к кромке воды, а Серега уже шебуршал в кустах и вытаскивал весло.

– А весло зачем? Ты, что, плыть собрался?

– Ну да...

– Ключа нет. – Я показал пальцем на замок на цепи. – Ключ ведь мы не брали.

– Я даже не знаю, где он у деда лежит. – брат поволок весло обратно.

Мы разулись – в лодке на дне по-прежнему была вода и банка, влезли внутрь. Уселись, удочки забыли на берегу. Серега выскочил и подал их мне. Снова сели. Опять не то. Не было ощущения плавания, ведь нос лодки был вытянут на берег. Я отложил удочку в сторону, отпихнул брата, вылез и толкнул лодку. Она медленно отчалила от берега на длину пристегнутой цепи и замерла.

Другое дело. Лодка слегка качалась на воде, Серега сидел на корме, я – по середине. Закинули орехи-крючки, затихли. Вокруг только легкие звуки, на ветру слегка шелестели кроны деревьев и камыши, издали, из деревни, доносились крики петуха. Над водой курсировали стрекозы, а по поверхности реки шныряли водомерки на длинных тонких ножках. Лодку потянуло по течению, но крепкая цепь не давала ей уплыть.

– У меня клюет!... – прошептал я.

– Чего-о-о? На орех?

– Да понарошку! Ну, как будто. Семга, наверно.

– Тогда тяни ее скорее! А то сорвется.

Я резко дернул прут на себя. Орех вылетел из воды и шлепнулся на дно лодки. Серега вытянулся и посмотрел на «улов».

– Ну что там?

– Килограмм на пять вышла. Хорошая, еле вытянул.

Брат резко повернулся к своим снастям, нахмурился и приготовился вытягивать своего гигантского марлина.

Несмотря на то, что рыбачить самостоятельно мы вышли впервые, наловили полную лодку не только рыбы, которая обычно водится в таких реках, но и акул, китов и касаток. Даже каким-то образом поймали тюленя, но пришлось отпустить. Уж такого на сковороде не приготовишь, да и жалко стало. Пускай плывет.

Долго еще обсуждали, как все это довести до дома и сколько блюд сможет бабушка приготовить на ужин. Однако после того как мы выловили все, что только можно, что знали и что придумали, притихли и просто смотрели на реку.

– Сань, а море ваше большое? Оно какое вообще? Как оно называется? Название еще такое сложное...

– Баренцево. Это первооткрыватель был такой, мореплаватель и исследователь новых земель. Он вроде погиб даже во время похода. Вот в честь него и назвали целое море.

– Повезло ему.

– Да не очень, он же умер во льдах. Вообще, море очень холодное, это же север. Зимой во льдах, а летом в штормах. Оно редко бывает спокойным, вот в такие моменты люди и рыбачат. А величиной оно отсюда и до горизонта, и за горизонтом еще продолжается, просто огромное.

– А какой он, шторм?

– Это когда сильный ветер и дождь, волны в несколько метров, прям до крыши.

Я рассказал брату, как бушующее море огромными, серыми волнами врзалось в песчаный, обрывистый берег. Казалось, само небо рухнуло на океан, и от удара вода клокотала в необузданной ярости. Обезумевший ветер словно нагонял невидимой рукой серую муть, подхватывал пену с гребня волны и нес ее далеко в тундру. От неистового дуновения крупная волна набегала на более мелкую и у берега превращалась в грязно-серый гигантский вал. Облака над морем сбивались в плотный ковер со складками и неровностями, солнечные лучи с трудом пробивали серую толщу. Линия горизонта терялась в этом сером безумстве бушующей стихии, и конца урагану, казалось, не будет никогда.

Однажды осенью приплыла баржа с углем, но не успела разгрузиться и кинула якорь недалеко от берега. Налетел шторм и в считанные часы набрал максимум своей разрушительной силы. Баржа металась по волнам, как щепка, то взмывала на гребне, то целиком скрывалась из виду. И в итоге затонула. Через пару дней море более-менее успокоилось, и вдалеке на поверхности воды показалась корма баржи черного цвета. До наступления сильных морозов ее, конечно, подняли со дна и уволокли, но зрелище было незабываемое. Несмотря на непогоду, поселковые жители приходили на берег посмотреть неизбежную гибель несчастного судна.

Сергея слушал внимательно, не перебил ни разу. Его сдвинутые брови, нахмуренный лоб и надутые щеки говорили об исключительной сосредоточенности. Он держал свою удочку двумя руками так крепко, что было заметно, как прутик дрожит, а пальцы побелели. Закончив свой рассказ, я какое-то время ждал реакции. Но тот по-прежнему молчал и, видимо, пытался все это представить.

– Круто... – наконец выдавил из себя Сергей и качнул головой. – Вот бы мне в шторм...

Мы еще несколько раз закинули каштановые орехи в реку, вытянули невероятных размеров рыбины, о чем-то помечтали. Но по лицу брата было видно, что он весьма озадачен чем-то другим.

Даже боялся спросить, что его так беспокоит. Но, зная своего брата, все же начал догадываться – его беспокоила картина шторма. Он еще несколько раз переспросил о барже: как она качалась на волнах и как затонула. Почему-то его не интересовало, как баржу подняли на поверхность и как она смогла уплыть. Его удочка лежала вдоль борта лодки, а сам он начал делиться своими представлениями о бушующей стихии на море. Я пару раз пытался его поправить, потому что он еще ни разу не видел море, но образ у него был свой.

– Да нет, Серега, баржа не подлетала на волнах. Ее качало из стороны в сторону. – Я взялся руками за борта и начал раскачивать лодку. – Вот так.

Вот тут-то я и допустил непоправимую ошибку. Сергей буквально подпрыгнул на месте, глаза вспыхнули, морщинки на лбу разгладились, щеки сдулись. Так рождалась идея в голове, познающей мир.

– О-о-о-о, давай вместе. Как в шторм!

Брат схватился за борта и, сидя на корме, попытался раскачать лодку. Я подумал, что можно ему помочь, самую малость. Пускай почувствует, что такое шторм. Схватившись за края, я стал раскачивать лодку вместе с братом. Под ней захлюпала вода. Почему-то эта идея показалась нам довольно забавной. Мы смеялись, представляли, как в шторм бегаем по палубе, выкрикиваем команды, но от шума морской воды ничего не слышно, а наш корабль бросает по волнам. Но больше всего нас забавляло то, как лодка наклонялась в разные стороны, и край борта опускался до самой поверхности воды. Даже позволяли ей затекать внутрь для пущей правдоподобности. Однако в какой-то момент случилось непоправимое.

Во время очередного наклона у брата с борта сорвалась рука, и он стал резко заваливаться на бок. Серега схватился обеими руками за край, но вес тела продолжал наклонять лодку. Я почувствовал крушение слишком поздно, попытки выровнять наше судно оказались

тишечными, и мы полетели в реку. А лодка набрала достаточно воды, чтобы тихо затонуть, как та баржа.

Нам очень повезло, что лодка была прикована цепью и оставалась недалеко от берега. Я сразу нащупал ногами дно и незамедлительно вынырнул. Сереги на поверхности не было. Я успел испугаться, но брат тут же буквально выскочил на поверхность. Опять нырнул, вынырнул, нырнул. До меня наконец дошло, что дно под ним гораздо глубже, и его роста не хватает, чтобы остаться на поверхности. Когда он снова вынырнул с выпученными глазами, я успел ухватить его за рубашку и потянуть на себя. Через пару минут мы оказались на берегу.

Тяжело дыша, насквозь мокрые, мы смотрели, как медленно по течению уплывает пластиковая банка. А от ствола ольхи по земле в уже спокойную реку тянулась цепь к затопленной лодки.

– Ты... ты, ты чего меня сразу не вытащил?! – Сергей наконец пришел в себя.

– А ты вроде умел плавать. Чего тогда тонул?

– Я забыл, как это делается.

– Как вообще это можно забыть? Да ты просто не умел!

– Я испугался! – проорал во все горло брат и сразу же завертел головой по сторонам в испуге оттого, что его мог кто-то услышать.

В это уже легко верилось. Успокоившись, мы оба посмотрели на реку, на то место, где на дне теперь покоилась лодка.

– Да что же это такое! – в сердцах выдохнул я.

– Ерунда. Сама затонула, когда вода лилась через щели. Там же вода была.

Мне не хотелось слышать очередной чудный план. Как только у него это появляется в голове? Прошлым летом из этого ничего хорошего не вышло. Я нахмурился.

– Нет! – резко возразил я. – А ты не помнишь, как дед рассказывал о том, что он весной лодку промасливал? А вода там собралась от дождя.

Я встал с земли и подошел к реке. Вода была еще мутная, и лодку не было видно. Однако цепь тянулась вглубь, к ее носу.

– Надо ее вытаскивать.

Сергей вскочил, подбежал ко мне и тоже уставился туда.

– А как мы это сделаем? Позовем на помощь?

– Попробуем сами. пнул цепь.

Брату эта идея понравилась, появился шанс, как говорится, выйти из воды сухим. Он ободрился, его глаза округлились, морщинки со лба исчезли, появилась едва заметная улыбка. Не произнеся ни слова, мы схватились за цепь и потянули ее на себя. Но не тут-то было. Такое ощущение, что мы пытались вытащить корабельный якорь. Как только мы ее ни дергали, упирались ногами, тянули на счет три – ничего не выходило. Даже нос лодки не показывался. Это было неожиданно.

– почему она не вытаскивается?

– Потому что она с водой. А может в ил уперлась. – Мы еще раз попытались дернуть за цепь. – Давай так: я сейчас залезу в воду и попробую ее толкнуть, а ты бери за цепь и тащи на берег.

Я снял и так мокрую одежду, взял в руки цепь и по ней зашел в воду. Лодка на самом деле лежала неглубоко. Стоя по пояс в воде, я нащупал нос, к которому была пристегнута цепь, прошел вдоль борта и оказался за кормой. Глубина была мне по грудь.

Я устроился ногами покрепче, уперся руками в лодку. Вода стала практически по ноздри. Вытянув голову вперед, я дал брату команду. Сергей тянул изо всех сил, а я, как мог, толкал. Мне было очень неудобно: ноги проскальзывали, и я скрывался под водой. Ничего не выходило.

– Стой. – Я попытался отдышаться. – в воду, бери лодку за нос, приподнимай ее, потом тяни за цепь, а я буду толкать. Она в ил уперлась. Может хоть так получится.

И лодка сдвинулась. Сереге приходилось несколько раз запрыгивать в реку, поднимать нос и выскакивать обратно. Наконец лодка показалась на поверхности, и мне уже не требовалось толкать ее сзади. Месте мы потянули ее на берег. Оттого что все стало получаться, мы даже рассмеялись. , что в любом случае избежим наказания, а заодно получилось искупаться. Пускай и в одежде.

Все же мы ее вытянули на берег перевернули лодку и слили всю воду. Потом вытолкнули ее на то место, где она изначально плавала, и оот усталости рухнули на траву.

– Нет, еще не все. – Сергей подскочил и опять зашел в воду. – Надо в лодку воды немного набрать. Как и было.

Он .

– Смотри, не перестарайся, утонет опять.

– Не, я немножко. Помог бы лучше.

– А банка уплылабудешь делать?

– Уплыла и уплыла. Мы про это ничего не знаем. Малоли кому она понадобилась.

Он закончил с водой и брался на берег.

Пока Серега одевался, я увидел у него на лодыжке черную полосу, то ли травинка, то ли грязь. Но когда он подошел ближе, я разглядел черную, толстую пиявку. Она медленно извивалась, вертелась, но держалась крепко.

Я впал в ступор. Мне было не страшно, больше противно. А вот если Сергей заметит на себе эту анаконду – будет катастрофа. Он ужасно боялся пиявок и, перед тем как залезть в воду, всегда интересовался, водятся ли они именно здесь. А когда мы тонули, он просто забыл о своих .

– Сань, ты чего? – Серега заметил озадаченность на моем лице.

– Братан, ты только в обморок не падай. Все будет хорошо. – я кивнул на пиявку.

И тут началось.

Сначала прозвучал истошный вопль, наверное, на все село. Он так долго орал на одном дыхании одновременно умудрялся менять обескураживающие гримасы на лице одна страшнее другой. Потом он начал шарахаться от своей же ноги, волоча ее за собой с протяжным стоном. В итоге он рухнул на землю, повертелся в агонии и затих, лежа на груди лицом в траву с вытянутыми вдоль тела руками.

– Серега, ты там живой? Вроде не так страшно, ее же можно отодрать и дело с концом.

Я попытался повернуть его на спину. Лицо исказилось в какой-то смертельной гримасе.

– Она еще там? – еле слышно пропищал Сергей, по-прежнему лежа лицом в траву.

Я глянул на ногу, утвердительно угукнул. Он тяжело простонал и приготовился умирать. Комедию ломать мой братец был мастер, и вывести его из этого состояния практически не представлялось возможным.

Делать нечего, пришлось тащить этого страдальца на себе. Вставать он не хотел, видимо рассчитывал, что я понесу его на руках или плечах. Однако я его бросил умирать на траве, развернулся и зашагал домой. Симулянт подорвался и быстренько захромал за мной.

– Как ты так можешь? – Он положил руку мне на плечо и запрыгал на одной ноге. – Я столько крови потерял, я чувствую, что это чудовище стало размером с мою ногу. Дотяни хотя бы до двора, не бросай.

Я обхватил брата за талию, руку закинул на плечи и потащил его дальше. Серега всю дорогу стонал, рассказывал, как он чувствует зубы и присоски смертоносной пиявки. Потом сетовал на то, что жизнь его заканчивается, а он так и не увидел море и настоящий шторм. Но при этом поинтересовался, водятся ли в море подобные чудовища. Потом он перешел к завещанию: поделил свои игрушки между мной и младшим братом. Велосипед ему отошел, а

мне – какой-то клад, точное место которого он так и не назвал. Мимо нас по дороге проехал на велосипеде какой-то селянин и посмотрел с подозрением. От этого у Сереги отказали сразу обе ноги, а голова повисла на шее. Я пригрозил ему, что брошу прямо на дороге, и пускай его тащит кто-то другой. Он сразу оклемался.

Наконец мы приползли в наш двор, но никого не встретили. Судя по времени, все давно занимались хозяйством. Я не знал, куда тащить жертву покушения вампира из речных глубин. Подвел брата к забору загона с утками, где стояли деревянные стульчики. Однако несчастный садиться наотрез отказался, сетуя на большую потерю крови и невыносимое головокружение, и растянулся на земле.

Мне хотелось рывкнуть на брата за чрезмерную актерскую игру в жертву. Это начинало раздражать. Но моему взору предстала все та же пиявка, она на самом деле увеличилась в размерах, стала толще и уже не так извивалась, как раньше. К чувству отвращения добавилось чувство страха. Мне трудно было отвести от нее взгляд.

– Сане-е-к... – еле слышно протянул брат.

Я резко развернулся и побежал звать на помощь. Метнулся на кухню и громко позвал бабушку. Ответа не последовало. Тогда я выскочил обратно и тут же влетел на веранду дома. По отсутствующей на входе обуви понял, что и в доме никого нет. Помчался в сад. Мне наперерез игриво выскочил пес Бимка. Под яблоней сидели бабушка с дедушкой и о чем-то мирно беседовали. Бабушка в руке крутила полевой цветочек, а дед, опершись локтями о колени, курил сигарету. Я выскочил напрямик к ним. Остановился напротив, глубоко выдохнул и наконец выпалил: «Там... Серега... умирает...»

Почему я так сказал? Да он всю дорогу вел себя, как умирающий. В тот момент ничего другого на ум не пришло. Мне хотелось крикнуть, что все не так страшно, как кажется, но я не успел.

Дед незамедлительно швырнул сигарету в сторону, даже не стал ее тушить. Вскочил и убежал, как будто знал, куда. Бабушка глубоко охнула, схватилась за сердце и тяжело попыталась встать со стула. На лице ее читался нескрываемый испуг. Я подхватил ее под руки, помог подняться.

– Бабушка! Успокойся, все хорошо, там всего лишь пиявка. Просто Серега, как всегда, стонет, будто умирает. Я не хотел вас напугать, прости меня.

– Какая пиявка? – бабушка начала постепенно приходить в себя.

– Да к ноге присосалась. Она совсем небольшая. Пойдем, я покажу.

Мы вышли во двор. Дед уже стоял над братом, уперев руки в боки, кепку сдвинул на затылок. Он наблюдал комедию. Серега «в предсмертной агонии», как гусеница, лежал на земле на боку и медленно отползал с палящего солнца в тень каштанового дерева. Ногу, на которой еще висела пиявка, он держал в стороне и слегка потряхивал ей, как будто через нее проходил электрический ток. Руки его дрожали, а пальцами он хватался за кустики спорыша. Голова была как-то неестественно откинута назад, рот искривлен и слегка приоткрыт. Из него исходил тихий хрип. Глаза он закатил и даже не моргал. Однако как-то умудрялся подглядывать за собравшейся публикой. Мне казалось, сама пиявка уже была не рада тому, что присосалась именно к этому экземпляру.

Дед, видимо, устал смотреть на этот цирк, легонько толкнул носком ботинка ногу брата.

– Вставай, внучек, все поверили. Иначе за лекарством схожу, растет тут рядом, – напомнил дедушка про исцеляющие свойства куста сирени.

Серега как ни в чем небывало перестал хрипеть, закрыл рот, открыл нормально глаза. Спокойно встал, отряхнулся, поправил на себе рубашку, пригладил взъерошенные волосы, сцепил руки в замок за спиной и мило улыбнулся.

Я его возненавидел. ало того, что тащил его на себе и выслушивал весь этот погребальный бред, так еще и дико напугал стариков.

– Рассказывай, – потребовал дедушка.

– А у меня вот, пиявка. – Сергей спокойно указал на ногу. – Поможете снять? – выдвинул ногу вперед.

Дедушка наклонил голову в сторону, присмотрелся. Ничего не сказал, повернулся и пошел на кухню. Бабушка осмотрела Сергея со всех сторон на всякий случай, вдруг еще что-то прицепилось. Мне хотелось наброситься на него и хорошенько потрепать. Вышел дед с миской соли, взял добрую щепотку и растер на ладонях.

– Давай сюда свою кровопийцу.

Дед вытянул руки вперед и смазал ногу солью, взял маленькую щепотку и посыпал на место, к которому пиявка присосалась.

– А где ты ее подцепил?

Дед посмотрел почему-то на меня, и я понял, что ответа он ждет не от Сергея. Он, видимо, учел врожденную способность брата выкручиваться из любой ситуации.

Я чуть было не сознался с ходу, но вовремя опомнился. Сергей молчал, смотрел на меня.

– А мы хотели уткам ряски набрать. Они же на реку не ходят, мы вот решили их угостить, – выпалил я первое, что пришло в голову.

Дед какое-то время пристально смотрел на меня, потом медленно перевел взгляд на Серегу.

– Правда, как она есть! – подтвердил брат. Он дернул рукой, видимо, хотел приложить ее к груди в подтверждение неоспоримой истины. Но сдержался, это было бы лишним.

– Угу... Как она есть... – с недоверием пробормотал дедушка.

Пиявка извивалась, крутилась, вертелась и в итоге отвалилась от ноги и упала замертво. Все посмотрели на нее. На коже Сергея остался еле заметный след от укуса, из которого сочилась тоненькая струйка алой крови. Не будь рядом деда, тут развернулась бы ужасная трагедия с потерей сознания и медленным умиранием. Раза в три сильнее, чем тогда, когда я его тащил домой. Но целитель дед творил чудеса, а прут из куста сирени в его руках воскрешает и ставит на ноги любого умирающего внука.

– А чего мокрые и где ряска? – допытывался дед.

– Я поскользнулся, а Санек меня вытащил, и ряска расплылась.

Чтобы в голову больше не приходили идеи покормить уток свежей ряской с реки, нам надавали разных поручений. Без каких-либо возмущений пошли их выполнять. Надо было поскорей скрыться с глаз, чтобы у деда не появилось желания добиться истины.

Я все же припомнил Сереге его поведение и сцены чрезмерных страданий. Попытался объяснить ему, чем могла обернуться такая шутка для наших стариков. На что брат отмахнулся от этого коротким «Я больше так не буду» и быстро сменил тему, вспомнив о шторме на реке. Я смягчился, засмеялся вместе с братом и вспомнил как переворачивался вместе с лодкой и как потом, пуская пузыри, толкал ее наружу.

А вечером на ужин приехали родители Сергея. Бабушка рассказывала, как родные внуки чуть не свели стариков в могилу, как корчило в невероятных муках Серегу и как быстро его исцелил дед. Брат сидел насупившись, ковырялся в еде, был очень недоволен, что со смехом обсуждают его.

Так прошел день. Простившись с родителями брата, мы отправились умываться и ложиться спать.

Теплые лучи утреннего летнего солнца игриво забегали по моему лицу. Я давно уже проснулся, просто лежал с закрытыми глазами и был по-детски счастлив. Лето шло в полном

разгаре, меня ждали прекрасные, долгожданные каникулы в деревне. Купание в реке, фрукты, овощи и вкусная еда, игры с двоюродным братом, никаких уроков и главное – родители мои пока еще оставались на работе. А это означало: никаких нравочений, понуканий и требований что-то сделать в самый неподходящий момент. Бабушка с дедушкой всегда жалели любимых внуков. Ну, дед не всегда, но наказывал справедливо и за дело. Все равно хорошо.

За окном слышались трели птиц, кудахтанье кур, хрюканье поросят и шум деревьев на ветру. Брат тихо сопел, он спал еще довольно крепко, и, по-видимому, в доме мы были одни. Я глубоко вздохнул и потянулся в кровати с нескрываемым удовольствием, заведя руки за голову. Хорошо ведь на каникулах в деревне!

Послышался скрип входной двери на веранде. Вскоре вторая дверь отворилась, и в комнату вошли старики. Бабушка сразу шикнула на деда, чтобы тот не шумел. Он сначала шепотом возмутился, мол, пора бы и вставать, но, глядя на нас, притих, сел у печи и стал сворачивать папиросу.

Сергея засопел еще громче. Вот ведь жук, давно, наверное, не спит, а сейчас пыхтит, как паровоз, мол, спать бы ему и спать. И правда, столько крови потерял, пускай восстанавливается.

Я комедию ломать не стал, повернулся, привстал на локтях и поздоровался.

– О! Сашок! Доброе утро, – громко поприветствовал дедушка, бросил взгляд на Сергея.
– Мы тут с бабушкой тебя не разбудили?

Брат задергался под одеялом, что-то якобы во сне пробормотал под нос и повернулся к стенке. Опять засопел.

– Не, я давно уже проснулся. Вставать собирался.

– Давно пора, правильно. – В это время бабушка стаскивала с деда рубаху, чтобы зашить рукав. – Ох и исполнил ты ночью, перепугал всю семью. Не помнишь? Вон, у бабушки спроси.

Я впал в легкое смятение. Серега перестал сопеть. О чем шла речь, я понятия не имел и вопросительно посмотрел на бабушку. Она спокойно зашивала рубаху, порванную дедом где-то на работах. Воцарилась тишина.

– Это правда? – прервал я тишину. – Что я сделал?

– Да ничего особенного, слушай ты меньше своего деда.

– А все же?

– Ерунда, ну, проснулся ночью, пошумел слегка. С кем не бывает, организм молодой, бурно живет хоть днем, хоть ночью.

Все прояснил дед и, как мне показалось, без преувеличений.

– Пошумел слегка... – он хмыкнул и выпустил облако табачного дыма. – Сначала что-то бормотал, долго бормотал, потом даже кричать пытался. Затем встал и начал искать что-то: в шкафах, под кроватями, в вещах. Я даже свет включил, а ты все копошился и ругался на кого-то. Вот бабушка встала, за руку тебя взяла и спать уложила.

Я никак не мог вспомнить этого. Ведь если я что-то искал, и тем более ходил при свете, разговаривал и ругался, как тут не проснуться? Все это меня ошеломяло. Бабушка продолжала заниматься шитьем и молча со всем соглашалась. Значит, это была чистая правда.

– А расскажи-ка мне подробнее про тонущую лодку. Ты очень интересно рассказывал, только я некоторые моменты не разобрал.

У меня отвалилась челюсть. Я медленно перевел взгляд с бабушки на деда. На кровати уже в полный рост с выпученными глазами стоял брат. По выражению его лица было понятно, что и он не верит своим ушам и тоже, как и дед, хочет услышать слова оправдания от меня.

– Какую лодку?

– Которая в шторм утонула.

Мне трудно было что-то быстро придумать. Слишком много на меня навалилось с самого утра. Я смог выдавить только протяжное, тихое «э-э-э-э...»

– Да это мне Санек про север рассказывал! В море у них лодки тонули, когда ураган был!
– Серега уставился ему прямо в глаза.

– А что, у вас и ольха растет?

– Ага, карликовая. – Я начал постепенно приходить в себя.

– Ну и заливать ты! Я же был на Дальнем Востоке, на Камчатке. Там в армии служил. Нет там ольхи! Чешите мне тут...

Дедушка задумчиво посмотрел на облако дыма, поднимающегося к потолку.

– А при чем тут я, прутья сирени и ваши задницы?! Если лодки в море на севере тонули?
– дед начал заходить с козырей.

Мы с братом переглянулись в поиске нужного ответа, но процесс «дознания» прервала бабушка, закончив починку рубахи.

– Ну твоя-то лодка на месте. Или не так? – она подала одежду дедушке. – Через десять минут жду на завтрак. Поторопитесь, пожалуйста, у нас много дел.

Бабушка вышла из дома. Дед затушил окурок, через голову натянул подшитую рубаху, надел кепку и вышел за ней. Серега все так же стоял на кровати в одних трусах и пристально смотрел на меня. Я же все пытался вспомнить прошлую ночь, но в памяти ничего не всплывало, даже снов. Словам деда можно было и не поверить, он часто нас разыгрывал по-всякому, но все подтвердила бабушка. А она всегда говорила только правду.

– Ты зачем все рассказал?!

– Я ничего не рассказывал.

– А тогда откуда они все знают?!

– Не знаю! И вообще, они ничего не знают.

Перепалка длилась еще минут пять. Мы даже поругаться успели, бросая друг другу упреки. До драки, конечно, не дошло, но наговорить успели многое: про лодку, шторм, крушение, спасение, пиявку и предсмертную агонию. А самое главное – кто насколько виноват в каждом событии.

Спор прервал дедушка стуком в окно. Жестом показал на часы и махнул рукой, призывая нас отправиться на завтрак. Мы тут же притихли: форточка была приоткрыта, и, видимо, он услышал наши голоса.

Сошлись на том, что бабушка была права: ничего не случилось, лодка на месте, плавает себе спокойно. Мало ли что там мне приснилось, надо стоять на своем.

Летний день закрутился вихрем деревенских развлечений. По опыту прошлого лета сразу после завтрака мы шли спрашивать, какие обязанности по хозяйству должны выполнить. Как правило, их было не так много и не особо тяжелые. Провиниться мы еще не успели, да и только приехали, оттого нас щадили, а бывало и вовсе освобождали от трудов. Мол, каникулы, имеем право отдохнуть.

Но жаркое лето годичной давности напоминало нам, что труд в селе тяжел во все времена. И пара рабочих рук в хозяйстве лишними не будут, поэтому мы с братом от работы не отказывались, а порой и сами напрашивались. Старики были этому рады: и помощи, и присутствию внуков, и тому, что нас не приходится вылавливать, чтобы чем-то озадачить. Работой не перегружали, за труды благодарили. Мне даже казалось, что они прекрасно осознавали: если перегнуть палку, то качество выполненной работы резко ухудшится. И тогда придется либо ругаться, либо переделывать самим.

Но как бы то ни было, мы были отданы сами себе с единственным требованием – со двора ни ногой. Значит, мы были абсолютно свободны от начала полосы наших огородов, мимо знаменитого для жителей двух сел по прошлому году сеновала до каштана у дороги перед не менее известными воротами, которые были выкрашены теми же жителями.

Занять в свободное время особого труда не составило. Игрушки в песочнице и в доме, наше тайное место под грушей и катание на велосипеде. Правда, кататься нам разрешали

только за огородами, вдоль поля, где в прошлом году росла кукуруза. Этим летом там посеяли гречиху. На асфальтовую дорогу не пускали, вдруг машина. А за огородами пускай дорога была и грунтовая, зато по ней практически никто не ездил. А еще Серега приволок отцовский бинокль. Он ему достался после службы на флоте.

Мы залазили на дикую грушу, что возле сеновала, и смотрели вдаль. Представляли себя мореплавателями, иногда спорили, кто же будет капитаном. Для капитана бинокль – это обязательно. От того, что брат еще не был на море, он много спрашивал о нем: какой глубины, докуда простирается вода, какие рыбы там водятся и кто из них может съесть человека, плавают ли там пираты и как выглядят льдины, как на них плавают медведи и почему они белые. Вопросы были бесконечны. Наслушавшись моих историй, он даже предложил незаметно пробраться к дедовой лодке и выйти в море, но не в шторм. Я отказал. Дальний поход обязательно бы закончился каким-нибудь крушением.

Однако и это порой наскучивало. Нас неведомой силой тянуло на приключения.

Как-то днем, проходя мимо будки пса Бимки, нам показалось, что он очень тоскует на привязи. Мы решили его отвязать. Как ни странно, идея была моя. А что он сидит, бедолага, на солнце? Пес смотрел жалобными глазами, вилял хвостом, будто выпрашивал что-то. Я его и отвязал.

Мы думали, что он будет играть с нами, да не тут-то было. Сорвавшись с привязи, он, как ошалелый, начал бегать по двору. Порой задние лапы не успевали за передними и наоборот. Всю накопленную собачью прыть он решил выплеснуть сейчас и сразу, пока его не привязали обратно. В руки не давался, со двора вылетел на улицу и тут же злобно облаял какую-то старушку. Та замерла, вскинула руки вверх и закатила глаза. Бим, достигнув своей цели на дороге, метнулся обратно во двор и принялся гонять курей. Те с перепугу даже на крыло встали. Метнулся в коровник – там никого. Ринулся было в сад, но напоролся на бабушку. Та несла ведро с замешанным кормом для поросят. Узнав хозяйку, он несколько раз кинулся ей на грудь, закружил ее и снова бросился бежать. Бабушка выронила ведро, все высыпалось на землю. «Держите его, ребята!» – крикнула она нам. И сразу строго спросила, где дед, так как собаку с привязи отпускал только он.

Чтобы не усугублять положение, мы тут же сознались, что это наших рук дело, дед тут ни при чем. В итоге мы просто дождались, когда у него закончатся силы, и Бимка, виляя хвостом, сам к нам подойдет. Теперь стало ясно, почему дедушка его выпускал побегать только после ужина, иногда оставлял на свободе на всю ночь. А рано утром Бим преданно сидел перед будкой у миски и ждал каши разбавленной парным молоком.

Крепко уяснив опыт прошлого года, напроказничав, мы зачастую шли с повинной. Честно во всем признавались и сами себе накидывали задачи по хозяйству. Нас никто не ругал, может, оттого что шли сознаваться сами, а может, оттого что проступки не имели таких масштабов как сожженный сеновал либо сваленные ворота. Сирень росла нетронутая и летние каникулы набирали обороты.

Однажды утром, не успев скрыться от бдительного взора бабушки, получили с братом задание собрать абрикосы за домом бабушке на варенье. Дед, как всегда, был предельно ясен в постановке задач: назначил необходимый объем, показал образец фрукта, годного для варенья. Даже посоветовал натрескаться абрикосов во время сбора, потому что, скорее всего, придется помогать бабушке извлекать косточку, и возникнет соблазн, из-за чего нужный объем может уменьшиться. И придется идти до собирать.

Поручение яснее не бывает. Взяв ведра, отправились за дом, к колодцу. Абрикос – не вишня, собирать легче и быстрее. И лезть никуда не надо – все спелое лежит под ногами. За час управимся.

За домом росли слива, алыча и абрикос. А у самого забора, у дороги – огромное дерево шелковицы. Которое почему-то никогда не плодоносило. Как и рекомендовал дед, первый десяток фруктов ушел в наши рты. Успели даже покидаться косточкам в друг друга и на меткость – в дырку в заборе. Собирать было легко и комфортно: прохладная тень от дома и крон деревьев приятно освежала, большой урожай фруктов и небольшой объем посуды, которую необходимо было наполнить, ну, и самое главное – никто не стоит над душой и не смотрит, что же мы там делаем. Пока собирали фрукты, вспомнили, как в прошлом году куда-то сюда выкинули винные ягоды и как куры, объевшись ими, валялись по всему двору. Серега выпучил глаза, скривил рот и изобразил ужасную гримасу. Скрючил руки, как у тираннозавра рекса, расставил широко ноги и шаткой, косолапой походкой, изображая пьяного петуха, пошел на меня.

– Прочь, дьявольское отродье! – заливаясь смехом и отмахиваясь прутиком, кричал я.
– Тебе не сожрать мои мозги!

Брат продолжал наступать и издавать какие-то неестественные для птицы звуки: рычание, вой, шипение, бульканье и даже звуки долгого сидения в туалете, отчего сам не выдержал и засмеялся.

– Тихо! – одернул его я. – Что это, слышишь?

Со стороны соседского двора, находящегося за нашим колодцем, раздавалась невнятная речь. Хотя больше она была похожа на далекую ругань, которую никак не получалось разобрать. Голос был однозначно женский, старушечий.

Наши дворы разделял забор из сетки-рабицы, а за ним поднималась непролазная стена из кустов, а над ними возвышались кроны деревьев, будто там рос дремучий лес.

Я раньше даже не задумывался, что там кто-то живет. Ну, жили да умерли от старости, а участок земли остался, вот и зарос. Такое в деревнях часто встречается. Понемногу стал вспоминать, что с какой стороны на этот участок не посмотри – везде лесная чаща, что с дороги, что с огорода, что за колодцем, где сейчас стояли мы. Даже наши старики никогда не говорили, что там кто-то живет. Вообще ни разу! Эта таинственность и неизвестность возбуждала в нас дикое любопытство.

– Это на нас? – шепотом спросил Серега пригнувшись, руками оперся о колени и пристально взгляделся в плотную стену кустов.

– Нет, навряд ли. – так же тихо ответил я. – Мы же дома и ничего плохого не делаем.

Крики продолжались. Точнее, громкость то нарастала, то уменьшалась, то затихала вовсе. Но тон сохранялся враждебный. Голос все время слышался один, но ничего невозможно было разобрать. В какой-то момент все прекратилось. Еще с минуту мы простояли в напряжении, не шевелясь и не отрывая взгляда от кустов.

– Серега, а там кто-то живет?

– Что-то я не припоминаю.

– А зимой? Листвы ведь нет, может, видел.

– Нет, не видел. Днем я в школе, а вечером уже темно. Да я здесь был только на каникулах, да на выходных.

– Давай до собираем абрикосы, а на обеде спросим.

Быстро накидали полное ведро и пошли на кухню. Но никого не встретили ни там, ни во дворе, ни в саду. Ни деда, ни бабушки. Наверно, они в огороде или на озеро ушли свежескошенное сено проверить. Дома мы были одни. Ведра поставили у входа в кухню и решили посмотреть на таинственных соседей со стороны улицы.

Выйдя на асфальтовую дорогу, мы прошли вдоль нашего забора до той самой здоровенной шелковицы. Она росла на стыке с соседским забором, точнее с тем, что от него осталось. Среди плотных ветвей кустарника и колючей акации проглядывали редкие серые доски не больше метра высотой. В некоторых местах забора вообще не было. Надежной оградой служили все те же бурно растущие кусты с крапивой. На обочине вдоль забора лежали деревянные шпалы. Мы каждое лето ловили на них маленьких ящеров, которые выползали погреться на солнышке. И нам казалось, что рядом просто растет лес, а не находится чей-то двор. Мы пригнулись, стали всматриваться в дебри и затихли. Серега сделал пару шагов в сторону зеленой ограды, рукой отодвинул ветку акации. Я сдвинулся к видимому прогалу среди ветвей.

Ничего не было видно. Непролазные джунгли стояли неприступной крепостью. От одного вида всех этих колючек, кривых веток, крапивы болела кожа. Любопытство боролось с реальностью.

– Слышишь? – шепотом спросил я. – Там кто-то есть.

Сергей подошел еще ближе.

– Да нет, это ветер.

Я поднял голову, чтобы посмотреть на кроны деревьев. Было полное безветрие. Ни один листочек на ветвях не двигался. И только я опустил голову, чтобы сказать об этом брату, как за зеленой стеной раздался хруст ветвей, словно в нашу сторону пробирался огромный зверь. А за этим последовал все тот же старушечий крик вперемешку с нечленораздельной речью. Он прозвучал, как гром среди ясного неба с резким снежным зарядом ураганного ветра. Голос был как будто одновременно скрипучим и высоким, казалось, он даже не прерывался. Мурашки побежали по коже волнами одна за другой, окутывая пронзительной прохладой в сорокоградусную жару. Душа ушла в пятки, или совсем убежала куда-то. Нас охватило оцепенение. Я даже не заметил, как мимо меня пулей пролетел брат. Визг стоял в ушах и все нарастал. Ужаса добавляло то, что все это доносилось из-за стены кустарников, и что там или кто там, можно было только фантазировать.

Мне представилось существо с огромным ртом и ровными рядами маленьких, но очень острых зубов. Вздернутым носом, как у летучей мыши, с глазами, налитыми кровью, которые всматривались в глубину моего подсознания. Заостренными ушами, прикрытыми редкими, грязными локонами черных волос. Узкими плечами, из которых вытягивались необычайно длинные и одновременно кривые руки, оканчивающиеся длинными пальцами с желтыми, обломанными ногтями. Худым, сгорбленным телом с впалой грудью, одетым в грязно-серое, изодранное платье, полы которого опускались чуть ниже колен, тощими ногами, искривленными в форме буквы «Х». На правой ступне оставалось подобие ботинка без шнурков, практически развалившегося. Левая ступня больше напоминала лапу какого-то животного: длинная, широкая с когтистыми пальцами, но без шерсти, вся в грязи. Существо тряслось мелкой дрожью, глаза по-прежнему не моргали, а открытый рот издавал чуть слышный хрип, переходящий в писк или свист. Левая рука стала медленно подниматься, а фоновый шум постепенно складывался в слова...

– Чего ты встал, как вкопанный! Бежим отсюда!

Серега резко дернул меня за руку. Я все никак не мог выйти из оцепенения. Брат опять дернул меня за руку и, не выпуская запястья, потянул в сторону.

Я наконец очнулся. Рванул с места и что было сил помчался за братом. Мы ворвались в наш двор, промчались мимо дома и кухни, мимо скотного двора, вылетели в сад, в мгновение пересекли его и оказались за сеновалом, у груши. Остановила нас ровная полоса ржи между огородами. Пробегишь по ней – и у тебя появились бы немалые проблемы с дедом.

Еще пару минут мы пытались отдышаться, не говоря ни слова. Нас обоих прошиб пот, а по коже бежал холодок. Чуть выровняв дыхание, стали оглядываться за сеновал. Прислуша-

лись – вокруг стояла тишина, только пели птицы и рокотала какая-то машина вдалеке. Никого. Скрипучего крика уже не было, а может, и был далеко и сюда звук не доходил.

– Ох и страху я натерпелся, – прошептал Сергей. – А я еще так близко подошел, такое ощущение, что мне в лицо прокричали.

– И не говори. А мне показалось, что я что-то видел.

– И что? Кто там был?

Брат сделал неподдельно серьезное лицо. На всякий случай еще раз оглянулся за сеновал с одной и другой стороны и подошел ко мне в ожидании ответа, кивнул. Я рассказал, что мне привиделось, в цветах и красках.

– Не может быть, такого не бывает, – у брата дрогнул голос. – Ты меня сейчас специально пугаешь. Я к кустам ближе стоял, не было там никого.

– А голос тогда откуда? Ты же тоже слышал его и убежал раньше меня, а я остался.

Мы оба задумались, каждый стал представлять владельца таинственного голоса в меру своей фантазии. Становилось даже как-то не по себе. Я себя ловил на мысли, что, возможно, мне это все показалось, у страха ведь глаза велики, так, по-моему, говорят. Вспомнил, что накануне отъезда на каникулы смотрел у одноклассника фильм ужасов, и, кажется, то что виделось мне сейчас, я видел тогда по телевизору. Помнится, я был ужасно напуган.

– Может, у деда спросить кто там? Он давно живет, фашистов даже видел, – предложил брат.

– Согласен. Мы ведь ничего такого не делали, вообще абрикосы собирали.

Убедившись, что вокруг нас ничего не угрожает, вернулись домой. Еще какое-то время мы обсуждали произошедшее, представляя немыслимые картины ужаса за зеленой стеной. Но все же постепенно перешли на игрушки.

Дома было прохладно и тихо, родные были заняты своими делами, поручения на сегодня были выполнены. Мы достали свою коробку с игрушками и постепенно окунулись в сказочный мир игрушечных машинок, самолетов, конструкторов и армии солдатиков. Периодически в дом кто-то заходил что-то взять или просто отдохнуть в легкой прохладе. Нас никто не трогал, да и зачем, чего лучше, когда дети заняты спокойной игрой дома. Дневное происшествие потихоньку забылось.

На ужин снова приехали родители Сереги. Бабушка с Олей крутились на кухне, нас отправили встретить и пригнать корову с луга. Дед вокруг себя во дворе собрал остальное семейство и травил свои веселые байки из жизни. Все ждали, когда позовут на ужин.

Сквозь утреннюю дремоту я услышал в комнате тихое шуршание бумаги и уже привычное пение птиц. Чуть приоткрыл правый глаз, незаметно, так чтобы никто не понял, что я проснулся, и увидел сидящего у печи дедушку. Он тихонечко складывал газетный лист, чтобы потом разрезать на заготовки под папиросы. Серега еще спал, свернувшись калачиком у стены. Больше в доме никого не было. Дедушка, как мог, старался не шуметь. Ногтями пальцев проглаживал места сгибов бумаги, чтобы потом ровно разорвать на вымеренные кусочки. Я все подглядывал за ним из-под прикрытых глаз, но вскоре я отошел ото сна настолько, что уже трудно было шурить глаза. Повернувшись на спину и закинув руки за голову, я поздоровался с дедом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.